

Головной теплоход, преодолевая быстрое течение реки, медленно выходил из переката. Шум кипящей в водоворотах воды заглушал работу двигателей теплохода. Именно поэтому и железные махины, казалось, двигались по реке почти бесшумно. А дикие животные, которых водилось в этих лесах множество, спокойно выходили к реке, не пугаясь посторонних шумов и кораблей.

Вот грязно-коричневая махина, замерев у самой кромки реки, стояла почти неподвижно. Первым её заметили молодые ребята-практиканты, что находились в ходовой рубке. Им, впервые попавшим в эти сказочные, не тронутые цивилизацией места, было всё в диковинку. Всё свободное от вахт время они проводили на верхней палубе или в ходовой рубке, восторгаясь силой и красотой природы, непрерывно щёлкая дешёвенькими фотоаппаратами, чтобы, приехав домой к родителям, было чем похвастаться. Внутренним распорядком теплохода нахождение в рубке вне вахты не возбранялось, тем более выдавший на своём веку капитан снисходительно улыбался над восторгами своих

«юнг», охотно давая разъяснения, не забывая и о традиционном флотском юморе.

Итак, грязно-коричневую громадную фигуру увидели первыми именно молодые ребята, восторженно показывая друг другу невиданное чудо. Из-за большой весенней воды теплоходы местами проходили столь близко к берегу, что можно было разглядеть даже ранние весенние цветы. Громадина около воды стояла почти неподвижно.

— Однако, мишка пробку размачивает, — тоном знаточка пояснил словоохотливый лоцман, из местных жителей, кои на период навигации охотно нанимались на караваны для проводки их по реке без судоходной обстановки.

Кто, как не они, прожившие всю жизнь на реке, знали капризы своенравной Тунгуски? Он, как обычно, стоял слева от штурмана, попыхивая папироской, оглядывал окрестности.

Все находящиеся в рубке переглянулись и в ожидании разъяснений посмотрели на аборигена. Он, словно понимая свою значимость, хитро улыбаясь, не торопился с объяснением.

— Хозяин после зимней спячки, голодный и злой, ищет пропитание, а наевшись, естественно, хочет опростаться, — продолжал, посмеиваясь, лоцман. — А тут-то и закавыка: в заднице у него за зиму образовалась этакая пробка. Кишки рвёт, а прос...ться не может. Вот и бежит к речке размачивать эту пробку. Больно, ревёт, а деваться некуда. В этот момент он вообще никого не замечает. Был бы нагулянный, можно брать на пальму. А так худой, и шкура после зимы никудышная. Вот и не трогают его охотники, — закончил он рассказ.

И действительно, медведь сидел в реке, никого не замечая, только сквозь грохот реки иногда слышен был его страдальческий рёв. Теплоход с каждой минутой приближался всё ближе и ближе. Хозяин тайги его пока не замечал.

— Ну что, Палыч, пугнём косолапого, что ли? — обратился лоцман к капитану.

Ярослав Павлович, капитан «ОТа», словно извиняясь, улыбнулся и, судя по всему, не очень-то охотно потянул руки к тросикам под потолком рубки, что вели к клапанам

пневматических гудков теплохода. Молодые ребята — мотористы и практиканты, которые видели медведя либо в кино, либо в зоопарке, — во все глаза глядели на невиданную картину.

Ярослав Павлович в это время, словно сосредоточившись на чём-то важном, не отрываясь глядел на приближающее животное, резко потянул оба тросика. Сильный звук двух в унисон звучащих гудков, усиливающийся сжатыми скалами и эхом, огласил каньон реки.

Медведя, не ожидавшего резкого звука, от неожиданности, словно на пружине, подбросило вверх на высоту около полуметра, и он с небывалой резвостью ринулся в тайгу, оставляя за собой метровую трассу просеки в прибрежных кустах.

Хохот, словно эхо гудков, огласил ходовую рубку. Только особо не смеялись лоцман и капитан.

— Ну вот, загубили мишку! — с лёгкой грустью проговорил капитан, оглядев вдруг присмиривших парней.

На их немой вопрос охотно начал рассказывать лоцман, изумляя не искушённых таёжными премудростями ребят.

— Медведь-то, он только при встрече страшный, да и опасный — или если раненый, или голодный. А так он смирный и очень боится резких звуков, — начал свой рассказ бывалый охотник. — А стоит только вот так напугать его — он сразу бежать, да и слабость у него начинается в желудке. По этому следу и легко его найти. Сердце у медведя тоже слабое, вот и пробежит он метров сто — сто пятьдесят — и умирает от разрыва. Тут подходи и бери его голыми руками. Так-то, паря! А вообще, встретиться на одной дорожке с ним — не приведи Господь! Вот! — подытожил лоцман.

— А ещё медведи, сказывают охотники, очень музыкальные, — после нескольких минут молчания продолжал лоцман. — Найдёт он пень от поваленного дерева, если торчит у пня щепина, то миша может часами играть свою музыку. Дёрнет щепу, она вибрирует, а он стоит и слушает. Дёрнет и слушает. Вот такой он музыкант, — закончил рассказчик свой рассказ.

Ребята притихли, словно осознавая, какая трагедия произошла полчаса назад.

— А вы, ребята, не горюйте, другим животинам весной тоже пища нужна. Так что мишка и пригодится. Умные люди говорят: пищевая цепочка это! Во! — поднял он палец кверху, гордясь за свою грамотность.

Старый лоцман закурил и, выдыхая густой дым, продолжил:

— Сейчас вот медведи отъедятся после спячки и летом будут безопасные. От человека будут уходить. Беда вот только с маленькими медвежатами. Уж больно они, паршивцы, любопытные — что котята, лезут к людям, а рядом всегда мать. А она-то за детишек своих сама пойдёт на смерть. Вот это самое опасное. Оне-то глупые, не понимают, а такие, как вы, полезут поласкать, угостить — тут вам и хана. Спасенья от медведя нет. Это токо в книжках пишут, что медведь косолапый да неуклюжий.

«Дети асфальта» посмеялись над рассказом, но притихли тут же, словно обдумывая услышанное. Им ведь ещё не раз за свою жизнь придётся выходить на берег в таёжных местах во время кратковременных остановок на «зелёных стоянках», которые иногда устраивает капитан своему экипажу, если позволяет время.

— А ещё не дай Бог, паря, встретиться с хозяином тайги после его неудачной рыбалки на реке. Злой он тогда и голодный. Хоть он и косолапый, но от него не уйти человеку нипочём — порвёт, — повторяясь, закончил лоцман свой рассказ. — Если хотите, расскажу в следующий раз об этом.

Он отвернулся к окну, и взгляд его устремился вдоль реки, оценивая очередной сложный участок реки. Молодёжь настроилась ждать удобного случая послушать бывалого человека, проникнувшись к нему уважением. И у каждого в голове, наверное, роилась мысль о напуганном медведе, искренне желая ему благополучного исхода после встречи с ними.